

Линь Чанбинь очнулся от резкой тряски. Открыв глаза, он обнаружил, что лежит на телеге со связанными руками и ногами, а ребёнок, бывший у него за спиной, куда-то исчез.

Решив, что попал в руки разбойников, он заплакал и принялся умолять о пощаде:

— Доблестные воины, вы, должно быть, схватили не того! Разве я похож на богача? Умоляю, отпустите меня...

Однако возница не проронил ни слова, лишь молча понукал мула.

Только к вечеру, когда они добрались до почтовой станции, Цао Кунь велел снять пленника с телеги, чтобы тот мог справить нужду, а затем отвёл его в трактир поужинать. Видя, что ему не собираются причинять вреда, Линь Чанбинь немного осмелел.

— Простите, а где мой сын?

Второй хозяин подал знак одному из своих людей, и тот вынес из комнаты ребёнка. Малыша уже накормили жидкой кашей, и теперь он крепко спал. Линь Чанбинь поспешно взял его на руки.

— Смее спросить, храбрые воины, за что вы меня схватили? Быть может, у нас есть какие-то счёты?

Цао Кунь презрительно усмехнулся, глядя на его жалкий вид.

— Никаких счётов. Меня просто попросили отвезти тебя обратно в уезд.

— Уж не Чэнь Жун ли? Или Линь Цю... неблагодарный сын! Знает, что я приехал, а даже не вышел повидаться!

— Хлоп! — мужчина с силой ударил ладонью по столу, отчего Линь Чанбинь чуть не свалился со стула.

— Я... я что-то не то сказал?

— Ешь молча. Ещё одно слово, и я тебя выброшу вон!

Старик больше не смел произнести ни звука. Он в два-три укуса проглотил пампушку и до конца пути сидел тихо.

Через два дня, вернувшись в уезд, Цао Кунь стащил его с телеги и пригрозил:

— Чтобы больше не ездил в город Циншуй к госпоже Чэнь. В следующий раз простым возвращением домой не отделаешься!

— Да, да, я понял... — У Линь Чанбиня и денег-то на поездки не осталось. Дорога из уезда в город стоила ему больше двухсот вэней, и теперь в карманах было пусто. Куда уж ему теперь ехать.

Он сделал несколько шагов, но его окликнули:

— Эй!

Линь Чанбинь замер и, обернувшись, спросил:

— Храбрый воин, у вас ещё есть какие-то указания?

— В Цзяохане нужен счетовод. Двести вэней в месяц, пойдёшь работать? — спросил Цао Кунь.

Лицо старика мгновенно просияло:

— Пойду, пойду!

Когда тот ушёл, один из работников подошёл к хозяину.

— Второй хозяин, кто это такой?

— Мой тесть.

— А? Я уж было подумал, что твой враг! Счетоводу обычно платят пятьсот вэней, а ты ему всего двести предложил.

— Занимайся своим делом и не лезь в чужие вопросы.

Цао Кунь не хотел ставить Линь Цю в неловкое положение, поэтому решил держать его отца под присмотром, чтобы тот снова не натворил глупостей. Иначе, за все его грязные делишки, он бы давно отправил его куда подальше.

Приезд Линь Чанбиня не доставил Чэнь Жун особых хлопот, однако его тихое исчезновение её несколько удивило. Впрочем, она не стала забивать себе этим голову. Умри этот человек где-

нибудь на улице, она бы и глазом не могла моргнуть.

Всё это время Ван Ин разрывался между надзором за строительством нового дома и наблюдением за посевами на полях.

В этом году погода стояла плохая. Уже наступила середина марта, а дождя всё не было. Земля высохла и растрескалась. Скоро должно было начаться колошение, а пшеница стояла низкая и пожелтевшая.

Видя, что полугодовой труд идёт насмарку, жители деревни места себе не находили от тревоги. В каждой семье таскали воду для полива, но людей было много, а воды мало, и из-за этого то и дело вспыхивали драки.

Утром юноша вышел из дома и направился к своему Экспериментальному полю. По дороге он наткнулся на две семьи, дерущиеся между собой. Мужчины и женщины сцепились в клубок, таская друг друга за волосы и раздирая одежду, извергая при этом самые грязные ругательства.

Ван Ин поспешил их разнять:

— Прекратите драться! Дядя Лю, тётушка Чжан, отпустите друг друга!

Заметив хозяина, дерущиеся нехотя разошлись. Они принялись приводить в порядок одежду и обуваться, но продолжали осыпать друг друга упрёками.

— Все таскают воду для полива, а ваша семья хороша! Перегородили ручей и всю воду на своё поле пустили, совесть есть? А как же те, кто ниже по течению?!

— Тьфу! На этом ручье твоего имени не написано! Твоё поле ниже — твои проблемы. Не досталось воды — так тебе и надо!

— Ах ты, сукин сын!

Видя, что они вот-вот снова сцепятся, Ван Ин строго прикрикнул:

— Не смей драться! Вода в ручье общая. И вашей семье она нужна, и другим. Все живут за счёт урожая, нельзя так — самим всё забрать, а другим не оставить!

— Хозяин прав! Эта бессовестная баба ничего не понимает...

— И ты замолчи! Если есть что сказать — говори спокойно, а не ругайся.

Мужчина притих. Понимая, что оба по-прежнему недовольны и, скорее всего, снова подерутся, Ван Ин решил отвести их на своё Экспериментальное поле.

Приблизившись к участку, все удивлённо сбавили шаг. Это место разительно отличалось от соседних угодий: сочные зелёные ростки пшеницы, густо покрывавшие землю, были на целую ладонь выше, и засуха, казалось, их совсем не затронула.

Один старый крестьянин тут же вошёл в поле, чтобы всё осмотреть. Он увидел, что земля была такой же сухой, как и везде, и следов полива не обнаружилось.

— Хозяин, как это ваша пшеница так хорошо растёт?

— Да, и листья не пожелтели! Урожай будет отменный!

— На этом участке я посадил засухоустойчивый сорт. После весеннего сбора я разделю семена между всеми, и в следующем году вся деревня перейдёт на него.

Услышав это, крестьяне озаарились радостью.

Ван Ин достал блокнот и угольным карандашом записал данные о цикле роста. Похоже, выведенный им «Чанфэн-3» неплохо прижился. Правда, сами растения были несколько ниже, чем на идеальном Экспериментальном поле, вероятно, из-за отсутствия удобрений.

Погода как раз потеплела, и юноша решил научить их делать компост. К июню, когда придёт время сеять просо, его уже можно будет использовать.

— Хозяин, как продвигается строительство вашего дома?

— Фундамент уже заложили. Сегодня начнём возводить стены.

Фундамент — основа всего. В народе говорили: «Если фундамент заложен крепко, дом вовек не рухнет». Землю выкопали на глубину в шесть чи, слой за слоем утрамбовывая её. Если не случится землетрясения, такой дом мог простоять и сто лет.

— Когда фундамент готов, дело идёт быстро, — сказал дядя Лю. — За десять-пятнадцать дней стены возведут. А как положат главную балку, считай, дом и закончен.

Слушая это, Ван Ин всё больше проникался энтузиазмом. Мысль о том, что это будет его собственный дом, наполняла его энергией.

— Чтобы больше никаких драк. Воду используйте по очереди, никто не должен её захватывать. Если ещё раз подерётесь из-за этого, я подниму арендную плату.

Лица спорщиков застыли, а затем они поспешно заулыбались:

— Не посмеём, господин, больше не посмеём!

Этот довод оказался действеннее любых уговоров. Ван Ин сдержал улыбку и поспешил к месту строительства.

Подойдя, он увидел Чэнь Цинъяня, который учил грамоте нескольких деревенских ребятишек. В общении с детьми тот заметно расслабился и говорил без запинок, напоминая себя прежнего, когда он держал частную школу.

Ван Ин не стал ему мешать, а вечером, вернувшись домой, завёл разговор об обучении.

— Ты всё ещё хочешь открыть школу в деревне?

Чэнь Цинъянь без колебаний кивнул. Ему нравилось учить детей, видеть, как из невежественных малышей они превращаются в грамотных и воспитанных людей. Это чувство удовлетворения трудно было передать словами.

— Тогда, как закончим с отделкой дома, объявим о наборе учеников.

— Хорошо!

Юноша вспомнил о письме, которое прислал четвёртый дядя, когда они в прошлый раз были в городе, и решил, что стоит поделиться новостями.

— Когда я в прошлый раз ездил домой, мама сказала, что четвёртый дядя прислал письмо. В следующем году срок его службы заканчивается, и его, возможно, переведут обратно в столицу.

— Это хорошая новость.

— В письме он также упомянул... что по возвращении попытается задействовать связи, чтобы твоё дело об экзаменах пересмотрели и восстановили справедливость.

Чэнь Цинъянь замер, на мгновение потеряв дар речи.

Ван Ин поспешно добавил:

— Но это очень сложно. Дядя лишь упомянул об этом. Он не хотел, чтобы мы тебе говорили, боясь, что, если ничего не выйдет, ты разочаруешься ещё больше.

Мужчина взял его за руку.

— Я понимаю. На экзамены я уже давно не надеюсь. Если небеса смилостивятся и дадут мне ещё один шанс, я непременно им воспользуюсь. Но даже если у дяди ничего не получится, я больше не стану из-за этого сокрушаться.

После всех испытаний Чэнь Цинъянь заметно повзрослел. Наверное, человек становится по-настоящему сильным, лишь выдержав удары судьбы.

Прошло полмесяца. Основная часть дома была уже построена, и настал день для установки главной балки.

В древности церемония поднятия балки имела особое значение. Это было не просто празднование успешного этапа строительства, но и выражение надежды на счастливую жизнь.

За два дня до этого Ван Ин велел дяде Чэню купить двух свиней и одного барана. Сегодня нужно было угостить всех, кто помогал. Жена Чэнь Си вместе с другими женщинами с раннего утра работала на кухне, а мужчины собрались у нового строения в ожидании торжества.

Руководил всем старый плотник, самый пожилой в деревне. Ему было уже почти семьдесят лет. В те времена дожить до такого возраста считалось настоящим благословением.

Старик, всё ещё бодрый, пришёл, опираясь на деревянную палку. Глядя на высокий дом из синего кирпича, он невольно вздохнул:

— Какой величественный дом! Я такие только в городе видел.

В деревне большинство жили в мазанках. Кирпич и черепица стоили так дорого, что за всю жизнь не накопить.

— Спасибо, что согласились помочь провести церемонию, — с улыбкой сказал Ван Ин.

— Хорошо, хорошо, — почтенный мастер, заложив руки за спину, обошёл дом кругом, произнося добрые пожелания. Затем он велел принести заранее подготовленного петуха и окропил кровью главную балку, чтобы отогнать злых духов.

Далее последовало поклонение небу, земле и духам, а также обращение к патриарху ремесленников Лу Баню с просьбой о благословении. На алтарь возложили жертвенных животных, зажгли благовония. Совершая поклоны, старик нараспев произносил:

— Пусть столпы подпирают мирозданье — род будет процветать, балка несёт и солнце, и луну — счастьем вовек не иссякать...

Все, затаив дыхание, следили за ним. Молодые плотники втайне запоминали слова и движения — возможно, через много лет именно им предстоит вести этот обряд. Так передавались традиции.

Когда поклонение закончилось, настало время. Старик громко скомандовал:

— Поднять балку!

Десятки мужчин, ухватившись за толстые пеньковые верёвки, с зычными криками начали медленно поднимать тяжелое дерево на крышу. Как только балку установили на место, церемония считалась завершённой.

Дуньцзы поджёг хлопушки, а Чэнь Дашунь с крыши начал разбрасывать счастливые монетки. Взрослые и дети с весёлыми криками бросились их собирать, и атмосфера становилась всё более праздничной.

После установки балки принялись за черепицу. Работали сообща, и дело спорилось — ещё до полудня всё было готово.

Смеясь и шутя, все вернулись в деревню на пир. Столы накрыли во дворе дома Чэнь Си. Всего было восемь столов, и на каждом стояли вино, мясо и свежеспечённые пампушки из серой муки. Люди ели и пили в своё удовольствие.

В разгар веселья у ворот внезапно остановилась повозка. С неё соскочил Чэнь Эршунь.

— Молодой господин, господин Ван, из Лайчжоу снова пришло письмо!

<http://bllate.org/book/15812/1437607>